

Николай Добролюбов

**Рассказы и очерки С.
Вахновской**

Николай Александрович Добролюбов

Рассказы и очерки С. Вахновской

Основное внимание при рецензировании книги С. Вахновской (псевдоним Е. А. Лодыженской, 1828–1891) Добролюбов уделяет рассказу «Современные толки», где показывается неосновательность либеральных представлений о «добровольных» жертвах «благородного» дворянства при подготовке крестьянской реформы.

Содержание

#1	0005
Примечания	0024

**Николай Александрович
Добролюбов
Рассказы и очерки С.
Вахновской**

М., 1859

Как разнообразны способы, которыми приобретается слава! Слава г-жи Вахновской упрочена теперь благодаря тому, что г-жа Кохановская писала хорошие повести и печатала их в «Русском вестнике», а г. Н. Н. вообразил, будто Кохановская есть псевдоним Вахновской, и объявил о том в «Петербургских ведомостях». {1} Случай, и даже глупый случай... но он прославил не столько г. Н. Н., сколько саму г-жу Вахновскую, о которой по этому случаю напечатаны «Заметки» в нескольких газетах и журналах. В одной из этих заметок г-жа Вахновская названа даже «посредственностью, не представляющею ничего замечательного»; но тем не менее ее заметили, о ней заговорили... Сначала все были уверены, что ее рассказы очень хороши, потому что – помилуйте, как же? – г-жа Кохановская! Это такой талант!.. О, книжка г-жи Вахновской должна быть превосходна, потому что г-жа Кохановская не может написать ничего дурного!.. Но потом, когда оба имени отделились одно от другого, многие пришли в недоумение и стали спрашивать: что же, однако, хороши или дурны рассказы г-жи Вахновской и

что в них есть любопытного?.. Спешим ответить на этот вопрос самым любезным объяснением.

По нашему крайнему разумению, г-жа Вахновская не нуждалась даже в опрометчивости г. Н. Н., чтобы приобрести себе громкую известность. Книга ее замечательна уже тем, что дает гораздо больше, нежели обещает на заглавном листке. И что – вы думаете – прибавляет она? Женщину!.. Да, целую женщину!.. На заглавном листе, под общим заглавием «Очерков и рассказов», находим мы и перечень всех пяти рассказов, помещенных в книжке. Второй рассказ называется в этом перечне: «Две женщины». Но откройте книгу, и вы увидите на 25-й странице: «Три женщины, роман в письмах, посвящается Е. Н. Кротковой». Итак, *три* женщины, не считая самой сочинительницы и той, кому посвящен роман; во всяком случае, одна лишняя против обещанного, – и одно уж это чего стоит!..

Но количество ничего не значит в сравнении с качеством. А каковы качества женщин, изображенных г-жою Вахновскою, – это легче почувствовать, нежели передать словами...

Как они пишут, как говорят! Боже, как говорят!.. Особенно в интимных разговорах!.. Я никогда не имел интимных разговоров с женщинами и – признаюсь – никак не ожидал, чтоб они могли так хорошо говорить. Но теперь – о, теперь я только о том и думаю, чтобы, не подумайте – самому завести, нет, я на это никогда не решусь, а просто... *подслушать* интимный разговор женщины!.. Как это должно быть восхитительно и как должно действовать на мужчин!.. При всей своей неодушевленности и бесчувственности я бы, кажется, с ума сошел, если бы прекрасная женщина сказала мне то, что говорит Любинька Гордунова Владимиру Петровичу.

Я бы не удовольствовалась (говорит она) беглыми поклонениями светских львов, которыми они наделяют так много женщин; блестящая пустота лести не могла бы, кажется, наполнить мое сердце. Оно жаждет другого.

Тут Любинька почувствовала, что голова ее горит, ей представился ряд волшебных, заманчивых призраков, и она продолжала с увлечением (даже с увлечением! И все это

слышал Владимир Петрович! Счастливым Владимир Петрович!):

Оно (то есть сердце) жаждет пламенной, глубокой, бескорыстной любви, не подверженной капризам людей, не основанной на кокетстве и самолюбии, любви одного достойного человека, которого мнение было бы для меня дороже всего света!.. И как бы я его любила, как бы тихо и как счастливо протекла бы для нас жизнь! И как оживилось бы мое уединение!.. Я шла бы с ним легкою стопою (даже и стопа-то у нее не тяжелая! Не совершенство ли эта девушка?!), рука об руку, душа в душу (что еще?), и он бы знал все сокровеннейшие мысли мои... от всякого чувства, заставляющего биться мое сердце, забилося бы и его... О, он бы понял меня... и пр. (стр. 71).

Любинька договорилась таким манером до обморока, и Владимир Петрович упал к ногам ее и заговорил ей ты. Но вдруг она охладела и начала уверять его, что она совершенно ничего, только у нее голова закружилась, и пр. Вскоре потом (вообразите мое-то разочарова-

ние!) она вышла замуж за Ивана Ларцева, которого до сих пор третировала очень свысока, и была очень довольна своей участью... Она, видите, нашла, что ошибалась во Владимире и ошибалась в Ларцеве: Ларцев оказался отличным, покорным мужем, а Владимир прирастился к охоте и совершенно потерял всякое расположение к своей жене, которую прежде очень любил.

Такова одна из трех женщин. Другая – жена этого самого Владимира – не столь замечательна: это обыкновенная кокетка, впрочем совершенно бесхарактерная и не отличающаяся даже красноречием. Но зато третья – Адель – еще удивительнее первой, Любиньки. Она до того идеальна, что в ней искажаются самые основные законы физической природы, касающиеся женского организма. Представьте себе: от *15-го июля* она пишет своей подруге, что решилась согласиться на предложение графа Лавацкого выйти за него замуж; от *10-го августа* сообщает: «Вот десять дней, как я замужем и счастлива»; от *12-го сентября* пишет: «Я чувствую себя больною и слабою, вследствие ли моего положения (я бере-

менна), вследствие ли душевных волнений» (стр. 105); от 20-го марта муж Адели уже уведомляет ее подругу, что у них родился преждевременно сын и что здоровье Адели все еще очень плохо (стр. 113). Как оказывается из внимательного рассмотрения дела, автор не без намерения изложил в таком виде историю этих неестественных родов. Здесь, как и в «Воспоминаниях лекаря», он хотел показать, как вредно женщине сентиментальничать и предаваться неумеренной идеальности: тотчас здоровье расстроишь и будешь родить семимесячных выкидышей! Замечание весьма дельное, хотя с неменьшею основательностью оно прилагается и к противоположному направлению – материальному. В комедии «Сватовство Ченского»{2} г-жа Дальнева говорит идеальной Лизаньке Ониной: «А дети у тех, которые женятся по расчету, выходят какие безобразные! Бледные, желтые, несчастные!» С этим, впрочем, согласна, должно быть, и г-жа Вахновская, желающая, по-видимому, выставить вред односторонностей и пользу примирения теории с практикою (иначе сказать: «неизбежность идеализ-

ма в материализме»){3} в своих «Трех женщинах». Мария Сергинская – легкомысленная кокетка, светская женщина, не понимающая возвышенных чувств и завлекающая Ивана Ларцева, который вовсе не стоит ее мужа. Зато и выходит, что и Ларцев ее не полюбил, и муж разлюбил, и она живет в деревне да скучает... Адель Пельская – экзальтированная женщина, уверяющая, что она ни за что не полюбит человека, который будет ей представлен с обычными формальностями, и ревнующая своего мужа к первой жене его, давно уже умершей. Зато и выходит, что она беспрестанно падает в обмороки, расстроивает свое здоровье и родит семимесячных детей. Любинька Гордунова, напротив, – девушка, полная идеальнейших достоинств, говорящая так, как выше показано, – влюбляется во Владимира, мужа своей подруги Марии, но перебивает свое сердце и выходит замуж за Ларцева, которого сама описывает таким образом в письме к сестре своей:

Это один из тех тысячных людей, про которых сказать нечего. Самая наружность его бесцветна: он ростом не

высок и не мал, он не толст, но сложения плотного; его маленькие глаза не то серого, не то зеленого цвета, а выражения их разглядеть нельзя, потому что он их страшно щурит, когда говорит. Рыжеватые усы почти скрывают его губастый рот, а светлые волосы всегда тщательно напозаботены и приглажены, по воскресеньям же он их завивает. Разговор его не замечательен, но спасибо и за то, что он не острит и не пускается в чувствительность, а говорит просто; словом, мой милый друг, в моем положении, с моим маленьким состоянием, такому жениху мне отказать бы не следовало, если бы он посватался.

Столь благоразумные рассуждения высказывает восхитительная Любинька при самом начале знакомства с Ларцевым. Узнав, что Владимир Петрович любит ее, она исполняется презрением к Ларцеву, особенно при виде его ухаживаний за Мариєю. Но когда Ларцев за нее посватался, она выходит за него, родит детей не семи-, а девятимесячных, как и следует, и находит, что муж ее прекрасный человек. Через год после замужества она пишет:

Как глупо и как смешно мне кажется теперь прошедшее! И как я понимаю, что мое настоящее призвание – семейная жизнь, мое назначение – быть женою, матерью, хозяйкой... и что это назначение и выше, и благороднее, и лучше всех сентиментальных бредней и пустых теорий.

Читателю предоставляется решить, которая из трех женщин лучше. Что касается до нас, то нам ни одна из них не нравится, а Любинька, очаровавшая нас сначала своим красноречием, теперь внушает нам даже отвращение своим хозяйственным самодовольством. В ней мы видим олицетворение (правда, очень бледное и слабое; но это уж зависит от таланта автора) житейской пошлости, не только убивающей в человеке благородные и чистые стремления, но еще научающей радоваться их лишению... На наш взгляд, Марья Сергинская – женщина не безукоризненная, не серьезная, но все-таки очень удовлетворительная в известном смысле, очень хорошая для известного вкуса и направления. Она не развила некоторых сторон своей натуры; что

делать? Но она верна себе, она отличается известным характером, и кто желает иметь женою какую-нибудь неземную фею, или унди-ну, или

*Семинариста в желтой шали
Иль академика в чепце, {4} —*

тот и не бери ее... Адель – тоже односторонне развитая девушка; но она несчастна своим развитием, о ней нужно сожалеть... Она больна, и на нее нельзя сердиться уж и за то, что она довольно терпеливо сносит свою болезнь. Но Любинька – это какой-то сиделец из меняльной лавки, нарядившийся в кринолин и позаимствовавшийся слогом у Марлинского или у князя Кутушева; {5} это кукушка, усиливающаяся петть соловьем; это буренка, издающая нежное мычание и протягивающая рыло к клоку гнилого сена... Мы очень сожалеем, что позволили было себе увлечься ее красноречием, и не поздравляем автора, ежели его собственное мнение (как представляется из хода повести) – в пользу этой женщины...

Впрочем, мы не хотим навязывать автору

мыслей, которых он, может быть, не имел. «Три женщины» – роман в письмах, следовательно, автор тут ничего не говорит от себя. Да и во всей книжке – г-жа Вахновская рассказывает не от себя, а от лица то старика, то лекаря, то какого-то молодого человека... Легко может быть, что она вовсе не разделяет их мыслей. По крайней мере о тенденциях лекаря она замечает от себя, – что он «пускается в крайность». А тенденции его состоят в том, что не нужно учить девочек ничему, кроме хозяйства. Убеждения эти основывает он на том, что одну девушку совсем изморили за философией полковника Вейсса... Но кто же говорит о Вейссе? Сам г. де Жеребцов порицает дам, зараженных полковником Вейссом;{6} но из этого вовсе не следует необходимость бросить всякое ученье... И едва ли много найдется мужей, которые согласятся со следующими мыслями лекаря: «Мужу нужна хозяйка, мать его детей; он уже счастлив комфортом, доставленным ею (что здесь разумеется под комфортом, доставленным ею?), – а умственные потребности, если они у него есть, он может удовлетворить иначе – чтением,

или в обществе умных людей». Почему бы, подумаешь, жене-то его не быть в этом же обществе умных людей? Не потому ли уж, что «курица – не птица, женщина – не человек»?..

Из пяти произведений, напечатанных в книжке г-жи Вахновской, «Три женщины» и «Воспоминания лекаря» – самые длинные и скучные. Сцена «Лучше умная хула, чем глупая хвала» – коротка, но совершенно бесцветна. У графини-вдовы есть два жениха – один бедный и угодливый, а другой богатый и брюзгливый; она отказывает бедняку, который ей льстит, а выходит за богатого, который бранит ее. Это и называется: «Лучше умная хула, чем глупая хвала»; можно бы назвать ее так: «Богатым все позволяется».

О рассказе «И ум не спасет старого человека» умолчим, так как его пошлость может выставить в очень невыгодном свете талант г-жи Вахновской.

Но зато пятый и последний рассказ нас очень утешил!.. Читатель уж ждет, что мы скажем: «тем, что он последний». Но эта острота слишком стара, и мы не повторим ее. Да притом же рассказ и независимо от этого

обстоятельства имеет действительные достоинства. Ведется он от лица молодого человека, называется «Современные толки» и изображает, как толкуют в гостиных и на дворянских выборах – об освобождении крестьян (или, как г-жа Вахновская выражается, – об *эмансипации*). Чтобы познакомить читателей собственно с литературной стороной таланта г-жи Вахновской, которой мы до сих пор не касались, – мы приведем несколько коротеньких отрывков из этого небольшого рассказа.

Сначала молодой человек изображает, что он слышал в гостиных, и описывает один вечер у графини П., в Ф... губернии (стр. 272):

Все наперерыв толковали об эмансипации, кто за, кто против – дамы не уступали мужчинам и оказывались самыми ревностными поборницами в поддержке крестьянских прав. Молодые люди повторяли общие места из общего газетного репертуара. Старички качали головой и потихоньку замечали, «что жили мы, дескать, до сих пор и без эмансипации, и жили хорошо и привольно, а теперь по миру пустят». Один барин лет сорока пяти, с

взъерошенными волосами и слезливыми глазами, ходил от одного к другому, всех задирает, и когда ему удавалось обратить на себя чье-нибудь внимание, начинал постоянно свою речь одной и той же фразой:

– Я все удивляюсь одному: – общему спокойствию... Nous marchons sur un volcan,[1] и никто этого не замечает, никто не подумает об этом...

– Monsieur est alarmiste,[2] – сказал, ухмыляясь, тоненький блондин с лорнетом, – но дело в том, – прибавил он, принимая важный вид, – что всякий просвещенный дворянин должен радоваться, что нам дано наконец средство, что представляется случай – сбросить с себя варварство и оправдаться перед образованной Европой. Отпустив эту фразу, молодой человек самодовольным взглядом окинул все общество, но не нашел себе ответа... Артемий Богданович отправился дальше... И скоро послышалась в том конце гостиной обычная фраза: «Я удивляюсь одному, удивляюсь общему спокойствию, quand nous marchons sur un volcan»[3]. Но на этот раз он обращал-

ся к дамам – его встретили насмешливыми улыбками... дамы всегда очень храбры пред мнимой опасностью...

Затем еще пересказывается разговор молодого человека с одним почтенным господином перед выборами. Молодой человек, между прочим, спрашивает: «Неужели бывают личные причины на искание депутатского звания?» И вот что отвечает ему почтенный господин (стр. 279):

– А вы что думаете? – Неужели вы полагаете, что двигателем тут один национальный вопрос?.. Вот этот барин с бородой и лорнетом, которого голос раздаётся над всеми другими, имеет самое высокое мнение о своих ораторских способностях и надеется иметь случай, если его выберут, выказать свое красноречие, но он имеет не много партизанов, потому что мало кто любит слушать; – вот этот смирный господин, который все время молча сидит в углу, услышал, что депутатам дают 150 руб. жалованья в месяц, а при маленьком состоянии – это большая помощь... в других уездах

есть богачи, которые желают из себя делать фигуру, иметь открытый дом в городе, а депутатство по крайней мере – уважительный предлог...

Самые выборы описываются молодым человеком очень живо, с юмором очень метким и в тоне несколько различном от экзальтированных, приторных возгласов наших либеральных публицистов. По словам молодого человека, первое собрание было очень серьезно: все хлопотали за себя или за своих кандидатов, употребляли замысловатые маневры, чтобы привлечь к себе партию, и пр. На втором совещании было уже нечто другое.

На следующий день, когда дворяне собрались для второго совещания, я заметил другое настроение духа. Они казались как бы утомленными после серьезных вопросов, о которых спорили накануне, и, вероятно, чувствовали потребность отдохнуть от них. Заговорили об увеселениях по случаю выборов; надлежало выразить губернскому предводителю уважение и благодарность к нему дворян. Он действительно человек хороший, и понравился мне

на выборах: спокойный, достойный старик, внушающий всеобщее уважение, не вмешивающийся в мелочные интриги...

Так как было всеобщее желание выразить ему признательность дворянства, я думал, что этот вопрос очень скоро решится, но не так-то было: возник спор о том: дать ли бал или обед? и спор этот сделался очень горячим и занял все это утро. Спорили с жаром, скажу – почти с огнем и увлечением, – многие довольно красноречиво и даже юмористически поддерживали свое мнение. Один высокий плешивый барин как-то особенно стоял за бал, горячо доказывая, что обеды сделались пошлы, что всем дают обеды, а бал будет более блестящее, более радостное выражение дворянских чувств в этот торжественный случай.

– Помилуйте, – громко перебил его маленький, широкоплечий, бородатый помещик, в очках, – с чего же нам плясать? Мы будем похожи на рыбок, которые прыгают, когда их жарят на сковороде...

Многие рассмеялись, но один серьезный

барин, из числа тех, которые считают преступлением улыбнуться на таких сборищах и педантически серьезно рассуждают о самых пустых вопросах, важно объявил, что он также советует дать обед.

– Мы должны, – сказал он, – употребить все усилия, чтобы в этом важном случае оставить неприкосновенными все священные обычаи, которые ведутся исстари в нашем отечестве; заметьте, что мы собрались теперь не для преобразования народного быта, а для улучшения быта крестьян... Наши предки не давали балов, – но славились своими боярскими пирами или обедами; – итак, господа, мне кажется, что обед будет с нашей стороны самое приличное изъяснение нашей признательности к почтенному и благородному предводителю и выразит собою консервативное направление дворянства в настоящее время...
Решились дать обед.

Как ни прост этот очерк, как ни обыкновении мысли и заметки, высказанные в нем, – но он (правда, что только он один) – до-

казывает нам, что у г-жи Вахновской есть и талант и очень светлый взгляд на некоторые явления жизни. Трудно поверить, чтоб «Современные толки» были написаны тем же лицом, которым сочинен «Рассказ старика» и пр. Спокойствие и правильность суждений о том, отчего все кругом мечутся как угорелые, умение узнать сущность вещи под блестящими личинами, открыть пошлость дела под величавостью фраз, искусство ярко и живо очертить лица и сцену действия, постоянно оставаясь на своей точке зрения, – все эти достоинства несомненно находятся в «Современных толках» г-жи Вахновской. За этот очерк мы готовы примириться со всеми остальными рассказами и даже с коварным красноречием пошленькой Любиньки, так заинтересовавшей нас сначала, но потом так решительно обманувшей наши ожидания...

Примечания

Впервые – «Совр.», 1859, № 8, отд. III, стр. 287–294, без подписи. Авторство Добролюбова устанавливается гонорарной ведомостью «Современника» за 1859 год (ЛН, № 53–54, стр. 254) и подтверждается имеющимися в тексте упоминаниями (см. ниже) других рецензируемых Добролюбовым произведений.

Основное внимание при рецензировании книги С. Вахновской (псевдоним Е. А. Лодыженской, 1828–1891) Добролюбов уделяет рассказу «Современные толки», где показывается неосновательность либеральных представлений о «добровольных» жертвах «благородного» дворянства при подготовке крестьянской реформы.

Сноски

1

Мы идем по вулкану (*франц.*). – *Ред.*

[^^^]

2

Господин – алармист (распространитель тревожных слухов) (*франц.*). – *Ред.*

[^^^]

Когда мы идем по вулкану (*франц.*). – *Ред.*

[^^^]

[^^^]

Комментарии

1

Речь идет об обзоре за подписью «Н. Н.» «Русская литература» («С.-Петербургские ведомости», 1859, № 202), где отмечалось, что «одно только случайное созвучие имен обратило на г-жу Вахновскую некоторое внимание общества»; отождествления Вахновской и Кохановской в обзоре нет.

[^^^]

2

О пьесе «Сватовство Ченского, или Материализм и идеализм» см. рецензию Добролюбова в той же книге «Современника» (наст. том, стр. 177–190).

[^^^]

3

Намек на статью Ю. Савича «О неизбежности идеализма в материализме», характеристика которой дана была Добролюбовым в рецензии «Сватовство Ченского...»

[^^^]

4

Цитата из «Евгения Онегина» Пушкина (гл. III, строфа XXVIII).

[^^^]

5

О произведениях Г. Кугушева см. рецензию Добролюбова «Постороннее влияние» (наст. том, стр. 151–156).

[^^^]

Г-н де Жеребцов. – О Жеребцове см. статью Добролюбова «Русская цивилизация, сочиненная г. Жеребцовым» (т. 3 наст. изд). Вейсс Ф. Р. (1751–1802) – швейцарский писатель и военный деятель, автор книги «Principes philosophiques, politiques et moraux», русские переводы которой печатались в первой половине XIX века.

[^^^]

[^^^]